

<https://www.nytimes.com/2016/02/19/arts/music/review-dmitri-hvorostovsky-sings-of-life-love-and-sadness-at-carnegie-hall.html?searchResultPosition=10>

The New York Times

Review: Dmitri Hvorostovsky Sings of Life, Love and Sadness at Carnegie Hall

By [Anthony Tommasini](#)

Feb. 18, 2016

The charismatic baritone Dmitri Hvorostovsky looked a little thin when he appeared at Carnegie Hall on Wednesday for a sold-out song recital. That was understandable. As the worldwide admirers of this great Russian artist know, Mr. Hvorostovsky, 53, has been undergoing treatments for a brain tumor that have caused him to cancel swaths of performances.

Once he took his place onstage, though, joined by the pianist Ivari Ilja, his longtime accompanist, he seemed overcome by the audience's welcoming ovation. Beaming, he pounded his heart with his fist in gratitude.

In a generous program of 20 songs, Mr. Hvorostovsky's sometimes unsteady body language suggested that the performance took enormous effort. On the opera stage, singers routinely take part in overwrought tragedies, with big emotions conveyed through wrenching arias. Here was a distinguished baritone — a silver-haired heartthrob — accompanied only by a piano, living out a life-threatening personal drama through a more intimate, but just as revealing, art form.

He must have felt bolstered by the response of the audience, which applauded every song. At the end he looked jubilant, as people rose for another tremendous ovation. Mr. Hvorostovsky returned the eager waves of Florence Illi, his wife, and their two young children, Maxim and Nina, who were sitting in a parterre box not far from Renée Fleming, a close colleague. Marilyn Horne also attended.

During the first song, Glinka's "To Molly," his voice seemed somewhat gravelly, especially in its lower range. But his communicative power and eloquence came through, and as the evening progressed, his voice warmed up. Here again were the Hvorostovsky hallmarks, especially the smoky colorings of his sound and his uncanny ability to shape a long phrase on a single breath.

Not long ago, it seemed unlikely that he would be able to keep this commitment at all. Last fall, during a break in his treatments, Mr. Hvorostovsky rallied to sing three performances as Count di Luna in Verdi's "Il Trovatore" at the Metropolitan Opera. He sang magnificently, in the process demonstrating what it means for a dedicated artist to put everything on the line. During an intermission feature for the live HD broadcast of "Trovatore," he spoke briefly backstage with the mezzo-soprano Susan Graham, giving a shout-out to fans for their love and support. "Soon I'm going to be recovered," he said.

Opera lovers everywhere strongly hope so. He has brought a rare combination of distinctive sound, vocal refinement and a commanding stage presence to the Verdi roles he has made his own and, of course, to Russian repertory. In the Met's next season, announced this week, he is scheduled to sing the title role in Tchaikovsky's "Eugene Onegin" in the spring of 2017.

Late last year, the news came that Mr. Hvorostovsky would withdraw from several repeat performances in "Il Trovatore" at the Met this month. Still, he was determined to sing at Carnegie (a program he is also presenting in coming days in Toronto and Chicago).

The program offered groups of Russian songs by Glinka, Rimsky-Korsakov and Tchaikovsky, and ended with five German songs by Richard Strauss. Though he did not speak directly to the audience, Mr. Hvorostovsky shared personal messages, so it seemed, through his choice of songs, starting with "To Molly."

It begins: "Do not demand songs from the singer/When troubles of life/Have sealed his lips/To joy and inspiration." But, the song continues, if you "Enlighten his life with hope," then "in a wild flood will words flow," and "Louder than thunder the skies will resound." The music unfolds with a graceful lyricism that Mr. Hvorostovsky affectingly conveyed, even at the start, when his sound was patchy. By the third Glinka song, the poignant "Say Not That It Grieves the Heart," he seemed considerably freer, singing with warmth and dusky shadings.

In Rimsky-Korsakov's "What Is My Name To Thee?," with words by Pushkin, tenderly sung by Mr. Hvorostovsky, the poet asserts that his name "will die, like the sad sound of a wave," long forgotten by thee "amidst more recent and pressing concerns." That is, until sad times come, and a true heart is remembered.

In Tchaikovsky's "The Nightingale," another Pushkin poem, the lament of a bereft young lover, Mr. Hvorostovsky brought vulnerable expressivity touched with vehemence to the music, especially one poignant passage: "Dig me a grave/In the broad open field/At my head plant/Flowers of scarlet."

Mr. Ilja, who played with beautiful sound and sensitivity throughout the program, conveyed the dreamy wistfulness of the lengthy piano introduction to Strauss's "Morgen" ("Tomorrow"), which Mr. Hvorostovsky sang with pensive sadness. Together they summoned impetuous exuberance for Strauss's restless love song "Cäcilie."

At the end, Mr. Hvorostovsky gave Mr. Ilja a bear hug and waved to the cheering audience. As an encore, he sang an alluring account of "Passione," a Neapolitan song, and then signaled, it seemed, that that would be it. But he returned alone, to sing an unaccompanied Russian folk song, "The Sweet Night." What it was about I can't say. But every phrase he sang was riveting, and the title fit the occasion.

Рецензия: Дмитрий Хворостовский поёт о жизни, любви и печали в Карнеги-холл

Энтони Томмазини

18 февраля 2016

Харизматичный баритон Дмитрий Хворостовский выглядел немного похудевшим, когда появился в среду в Карнеги-холл на своём аншлаговом сольном концерте. Это было понятно. Как известно поклонникам этого великого русского артиста по всему миру, 53-летний Хворостовский проходит курс лечения от опухоли головного мозга, из-за которой он отменил ряд выступлений.

Но как только он в сопровождении пианиста Ивари Илия, своего давнего аккомпаниатора, занял своё место на сцене, он, казалось, был потрясён овацией публики. Просияв, в знак благодарности он ударил себя кулаком в сердце.

В обширной программе из 20 романсов иногда неуверенные движения господина Хворостовского наводили на мысль, что исполнение потребовало огромных усилий. На оперной сцене певцы обычно участвуют в надрывных трагедиях, где сильные эмоции передаются через тяжёлые арии. Здесь был выдающийся баритон — седовласый сердцеед - в сопровождении только фортепиано, переживающий опасную для жизни личную драму в более интимной, но столь же откровенной форме искусства.

Должно быть, он почувствовал поддержку аудитории, которая аплодировала каждому романсу. В конце, когда зрители поднялись для очередной оглушительной овации, он выглядел ликующим. Господин Хворостовский ответил на энергичные приветствия Флоранс Илли, своей жены и двух их маленьких детей, Максима и Нины, сидящих в ложе партера недалеко от Рене Флеминг, своей близкой коллеги. Мэрилин Хорн тоже присутствовала.

Во время первого романса, "К Молли" Глинки, его голос казался несколько хриловатым, особенно в нижнем диапазоне. Но его открытость и выразительность давали о себе знать, и, по мере того, как вечер продолжался, его голос становился теплее. Здесь снова проявились отличительные черты Хворостовского, особенно чувственная окраска его звучания и его сверхъестественная способность формировать длинную фразу на одном дыхании.

Не так давно казалось невероятным, что он вообще сможет это сделать. Прошлой осенью, во время перерыва в лечении, господин Хворостовский собрался с силами, чтобы трижды спеть партию графа ди Луна в "Трубадуре" Верди в Метрополитен-опера. Он великолепно пел, показав, что значит для преданного своему делу артиста поставить на карту всё. Во время антракта прямой HD-трансляции "Трубадура" во время коротко разговора за кулисами с меццо-сопрано Сюзан Грэм, поблагодарив фанатов за их любовь и поддержку, он пообещал: "Я скоро поправлюсь".

Любители оперы во всём мире очень на это надеются. Он привнёс редкое сочетание самобытного звучания, вокальной утонченности и уверенной сценической презентации в вердиевских ролях, которые он сделал своими и, конечно же, в русском репертуаре. В следующем сезоне, анонсированном MET на этой неделе, весной 2017 года он должен исполнить заглавную партию в "Евгении Онегине" Чайковского.

В конце прошлого года стало известно, что Хворостовский отказывается от нескольких повторных выступлений в "Трубадуре" в Метрополитен-опера в этом месяце. Тем не менее, он твёрдо решил спеть в Карнеги (программу, которую он представит в ближайшие дни в Торонто и Чикаго).

В программе прозвучали романсы Глинки, Римского-Корсакова и Чайковского, а потом пять романсов Рихарда Штрауса. Хотя он и не обращался непосредственно к аудитории, господин Хворостовский, казалось, делился личным через выбор романсов, начиная с "К Молли".

Он начинается так: "Не требуй песен от певца,/Когда житейские волнения/Замкнули вещице уста/Для радости и вдохновения". Но, продолжает песня, "если... Надеждой жизнь его осветишь", тогда "Бурным потоком польются слова" и "Грома сильней, огласят небеса". Музыка раскрывается с изящным лиризмом, который господин Хворостовский проникновенно передавал даже в начале, когда его звук был неровным. К третьей песне Глинки, пронзительной "Не говори, что сердцу больно", он выглядел значительно свободнее, пел с теплотой и щемящими оттенками.

В романсе Римского-Корсакова "Что в имени тебе моём?" на слова Пушкина, трепетно исполненном господином Хворостовским, поэт утверждает, что его имя, забытое "в волненьях новых и мятежных", "умрёт, как шум печальный". То есть пока не наступят печальные времена, и не вспомнят о верном сердце.

В "Соловье" Чайковского, другом пушкинском стихотворении, элегии об утрате молодой возлюбленной, господин Хворостовский привнёс в музыку страстную обезоруживающую экспрессию, особенно в одном пронзительном отрывке: "Выкопайте мне могилу/Во поле, поле широком,/В головах мне посадите/Алы цветики-цветочки".

Господин Илия прекрасным звуком и чуткостью на протяжении всей программы передал мечтательную задумчивость длинного фортепианного вступления к "Morgen" Штрауса ("Завтра"), исполненное господином Хворостовским с задумчивой грустью. Вместе они вызвали бурный восторг тревожной песней Штрауса о любви "Cäcilie".

В конце господин Хворостовский заключил господина Илия в медвежьи объятия и помахал рукой ликующей аудитории. На бис он спел чудную версию неаполитанской песни "Passione", а затем, казалось, дал понять, что на этом всё. Но вернулся спеть без сопровождения русскую народную песню "Ноченька". Я не могу сказать, о чём была она. Но каждая спетая фраза волновала, и название соответствовало случаю.